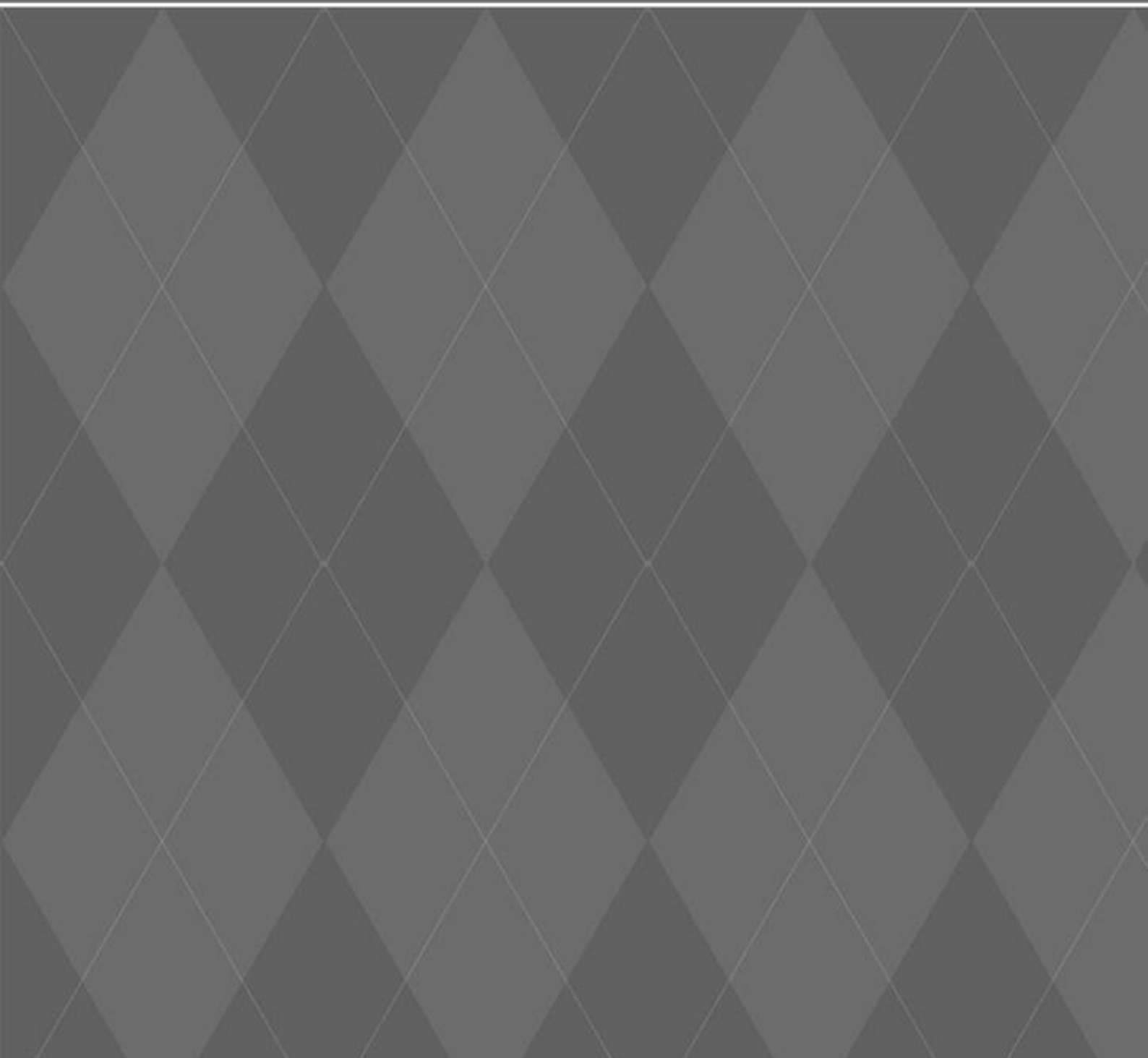

18+

Арина Лорель

Зеленый ноль

Арина Лорель

Зеленый ноль

«Издательские решения»

Лорель А.

Зеленый ноль / А. Лорель — «Издательские решения»,

Амазония, наше время. В отдалённом районе Риу-Негру спутники фиксируют аномалию: растительность за три месяца увеличила биомассу в два с половиной раза. Исчезли все животные. Исчезли звуки. Исчезла жизнь. Бразильский ботаник Мария Оливейра отправляется в экспедицию, чтобы найти ответ. Но лес, который она пришла изучать, начинает изучать её. Корни движутся. Листья шепчут. И каждый шаг вглубь зоны — это шаг к чему-то, что не должно было проснуться. Научный триллер о том, что природа умеет ждать.

© Лорель А.

© Издательские решения

Содержание

Зеленый Ноль	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Зеленый ноль

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0071-1316-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зеленый Ноль

Глава 1

Кабинет Марии был спроектирован так, чтобы отрицать существование Амазонии.

Девятый этаж бразильского Института космических исследований (INPE) парил над городом в стерильной изоляции: кондиционированный воздух с привкусом озона, матовые панели, гасящие звуки шагов, и мониторы, превращающие живой, влажный, ревуший мир в сухие спектральные графики. Отсюда величайшая река планеты казалась бледной ниткой, а джунгли — заплатанным одеялом, которое можно измерить, просчитать и загнать в формулы. Мария ценила эту отстраненность. Полевые вылазки остались в её двадцатилетие, и она не испытывала по ним ностальгии: ни по липкой духоте, ни по пискам комаров в ушах, ни по гнилоственному дыханию почвы. В её мире царили цифры, и цифры не лгали.

Четверг, 14:22. Спутник *Terra-SAR-4* сбросил на сервер свежий пакет данных по биомониторингу. Мария открыла файл машинально, привычно потягивая давно остывший чай — жидкость горчила, как хинин. Она глянула на индекс вегетационной активности, рассеянно прокрутила страницу вниз...

И кружка глухо стукнула о столешницу, расплескивая бурю жидкость на клавиатуру. Мария не заметила.

Цифры отказывались подчиняться логике.

Она пересчитала вручную, заново откалибровала каналы датчиков, прогнала массив через три независимых алгоритма, каждый из которых был написан для исключения ошибок оборудования. Результат оставался неизменным: на участке пятьдесят на пятьдесят километров — в трехстах километрах от человеческого жилья, восточнее Риу-Негру — фитомасса выросла ровно вдвое за последние девяносто суток.

Она замерла, чувствуя, как по позвоночнику пробегает холодная рябь.

Удвоение за квартал — это нонсенс. Даже в гидропонных теплицах с 24-часовой досветкой и идеальным составом питательного раствора такие темпы — предел биологии. В диких же джунглях, где деревья воюют за каждый луч солнца, а почва бедна, годовой прирост зелёной массы обычно не превышает пяти-семи процентов. Здесь же природа просто игнорировала собственные законы.

— Ерунда, — сказала она пустоте кабинета, и голос прозвучал неестественно громко.

Она подняла архив за предыдущие месяцы. Октябрь — россыпь буро-зелёных пятен, привычная рябь крон, которая меняется в зависимости от высоты деревьев. Ноябрь — легкое, почти незаметное смещение в инфракрасном спектре; она тогда списала его на аномально тёплый сезон листопада. Декабрь — уже отчётливый всплеск вегетационного индекса, но она подумала: «Атмосферная погрешность, рефракция». Январь — резкий скачок...

И вот февраль.

Тот же квадрат на снимке выглядел как сплошной, монолитный бархат. Темно-зелёный, почти чёрный в ложных цветах, настолько густой, что спутниковый радар не различал промежутков между кронами. Казалось, лес сжался, спрессовался, превратившись в единый живой организм, пожирающий пространство.

Мария перещелкнула на термоканал.

Здесь её ждал второй удар.

Обычно инфракрасное изображение Амазонии — это хаотичная мозаика: тёплые рыжие пятна обнаженной земли у воды, серебристо-голубые пологи древесных вершин, и россыпь

микроскопических ярких точек — тепловые следы обезьян, птиц, тапиров, ягуаров. Всё, что дышит, оставляет за собой инфракрасный росчерк.

Экран остался серым. Пустым, как лист офисной бумаги.

Она подняла чувствительность тепловизора до предела, выкрутив динамический диапазон так, что шум матрицы стал заметен невооруженным глазом. Ноль реакции. Ни одной точки, чья температура превышала бы фоновую температуру листвы хотя бы на жалкие полградуса. Такого не бывает даже в мёртвые часы перед рассветом, когда звери замирают в спячке — крупное млекопитающее всё равно выдаёт себя чётким инфракрасным силуэтом. А здесь — абсолютная термическая пустота. Словно все, кто умел бегать, плавать или летать, просто растворились.

Мария нахмурилась, постукивая пальцем по столу, и запросила дублирующие данные с европейского *Sentinel-6*, пролетевшего над квадратом тремя часами позже по другой орбите. Та же картина. Никаких аномалий нагрева. Только сам лес — он, как ни странно, флуоресцировал в ИК-диапазоне чуть ярче обычного, отдавая избыточное тепло. Растения работали на пределе, сжигая энергию форсированного фотосинтеза, выбрасывая её в атмосферу. Но животных не было.

«Миграция», — услужливо подсказал рациональный внутренний голос. Она сама не поверила в эту мысль. Миграция на триста километров от реки, вглубь леса, в сезон дождей, когда пищи в избытке? Это всё равно что покинуть дом в разгар урожая.

Она открыла акустический архив — не спутниковый, а данные сейсмодатчиков, которые INPE ставил для раннего обнаружения лесных пожаров. Инфразвук, дрожь земли, падение деревьев. За последние три месяца в зоне аномалии не зарегистрировали ни одного колебания, характерного для перемещения крупной фауны. Ни шагов ягуара, ни тяжёлого переступания тапира, ни глухого стука падающего от ветра ствола. Даже ударов молний не было. Лес словно замер в зловещем, выжидательном оцепенении.

Мария провела ладонью по лицу, ощущая, как кожа влажная от испарины. Кондиционер работал исправно.

За восемь лет работы с орбитальными данными она выучила главное правило дистанционного зондирования: если все показатели сходятся к абсурду, ищи ошибку в исходных предположениях. Она заново проверила эфемериды спутника, угол съёмки, поправку на атмосферную рефракцию, фазу солнечной активности, даже магнитные бури — всё было в пределах статистической нормы.

Тогда она полезла в глубины архивов. Топографические карты восьмидесятых годов, отсканированные вручную, — на них в центре аномалии была отмечена деревня индейцев кабекас. Пометка карандашом: «Покинуто, 1992». Мария нашла электронный отчёт бразильского агентства по делам коренных народов (FUNAI) по этому поселению. Сухая, бюрократическая справка, три абзаца, ни одного внятного факта. «Поселение оставлено жителями в добровольном порядке. Причины не установлены в ходе устного опроса. Рекомендуется воздерживаться от приближения к координатам».

Она усмехнулась. Рекомендация без обоснования — это не наука, это магия. Или трусость.

И тут её взгляд зацепился за самый низ страницы. Приписка к тому отчёту, выполненная на старой машинке — неровные, чуть смазанные буквы, — с грифом «Для служебного пользования», который давно должен был быть снят. Текст гласил:

«В ходе полевой проверки в октябре 1998 года все GPS-трекеры, спутниковые телефоны и радиостанции группы перестали функционировать одновременно на расстоянии двадцати километров от предполагаемого центра зоны. Оборудование восстановило работоспособность в полном объёме через четыре часа после отступления группы. Участники докладывали о резком психоэмоциональном дискомфорте, гнетущем чувстве наблюдения и слуховых галлюци-

нациях (описывали низкочастотный гул, похожий на „пение земли“). Дальнейшие исследования категорически запрещены приказом директората».

Мария перечитала это трижды. Пальцы сами собой набрали в поисковике фамилии участников той группы. Четверо из пяти были мертвы. Не в Амазонии. В авариях, инфарктах, один — самоубийство через два года. Пятый вышел на пенсию раньше срока и переехал в Португалию, сменив номер телефона.

Она закрыла все вкладки, оставив на экране только тот самый свежий снимок в ложных цветах. Лесной участок горел неоновозелёным, как радиоактивный фосфор, на фоне блеклой, больной, привычной Амазонии вокруг. И в центре этого сияющего пятна, если прищуриться и увеличить масштаб до предела, проступала едва заметная структура — идеально ровный круг, диаметром около трёхсот метров. Он был тёмным, почти чёрным, словно выжженная земля, и при этом плотность зелени вокруг него была максимальной. Словно лес рос *от* этого круга, защищая его, пряча от глаз.

В груди у Марии шевельнулось то самое детское чувство, которое она испытывала однажды в семь лет, найдя в старом сарае мёртвую сову. У той совы вместо глаз были белые, непрозрачные плёнки, и она сидела на балке с неестественно прямой спиной, будто не умерла, а превратилась в куклу. Тогда Мария тоже долго не могла оторваться, понимая краем сознания, что смотрит на нечто, не имеющее места в этом мире, что-то, чему не должно быть.

Мария сняла трубку внутреннего телефона. Набрала номер директора отдела прикладной ботаники. Её палец слегка дрожал, когда она нажимала на кнопки.

— Фостер, — сказала она, услышав короткое «Да?» на том конце. Она старалась говорить ровно, но голос предательски сел, и пришлось кашлянуть. — Есть кое-что. Странное. Подойдите, пожалуйста. Я не в силах дать этому объяснение.

Она положила трубку, не дожидаясь ответа, и снова уставилась в монитор. Лес на снимке выглядел неподвижным, но Марии вдруг показалось, что она ощущает его движение. Что он растёт прямо сейчас, в эту самую секунду, с нечеловеческой скоростью, высасывая влагу из земли, сжирая свет, впитывая ту самую абсолютную Тишину, которую она зафиксировала в тепловых данных. Тишину, в которой не было ни птиц, ни обезьян, ни даже стрекота насекомых. Только шелест листьев, которого никто не слышит.

Она протянула руку к клавиатуре, чтобы сохранить файл с грифом «секретно» перед приходом Фостера, и вдруг заметила, что пальцы дрожат мелкой, противной дрожью. Чай в кружке давно остыл, и на поверхности образовалась маслянистая плёнка. В кабинете стояла неестественная ватная тишина — слишком глубокая для здания, где всегда гудели двигатели кондиционеров, перекликались голоса и где-то внизу дребезжали лифты. Мария только сейчас осознала, что уличный шум за толстым стеклопакетом почти не слышен.

Она встала, чувствуя слабость в ногах, и подошла к окну. Бразилиа сверкала стеклом и белым бетоном под безжалостным полуденным солнцем; по эстакаде мчались машины, светофоры перемигивались в такт с ритмом города. Звук доносился — приглушённый, далёкий, но отчётливо живой.

Мария выдохнула, опершись ладонями о прохладное стекло.

Просто совпадение. Истерика, вызванная переутомлением. Слишком много кофе и слишком мало сна за последнюю неделю.

Но, вернувшись к столу, она дала себе слово. Твёрдое, железное слово, которое она никогда прежде не давала: она не ступит на ту землю. Никакие научные амбиции, никакие гранты, никакое любопытство не заставят её приблизиться к этому чёрному кругу и к этой зелёной чуме, которая растёт там в абсолютном одиночестве.

Тогда она ещё не знала, что через три недели будет сидеть в тесной моторной лодке, вгрызающейся носом в илистую воду Амазонки, в трёхстах километрах от ближайшего города, и вглядываться в неподвижную ряску, под которой не плеснётся ни одна рыба. Что её будет

мучить жажда, а в ушах — стоять тот самый низкий гул, который описывали мертвецы из отчёта.

А пока — она просто нажала «Сохранить», зашифровала файл тройным ключом и начала письмо Фостеру.

Там было всего четыре строки, написанные крупным, нервным почерком электронного текста:

«Обнаружена аномалия в секторе R-7. Рост фитомассы — 200% за 90 дней. Полное отсутствие тепловых следов фауны. По историческим данным — официальный запрет на исследование. Необходима выездная группа для верификации. Я не советую никого туда отправлять. Но если вы примете решение — я поеду сама».

Она отправила письмо, и через минуту услышала в коридоре тяжёлые, уверенные шаги Фостера.

Мария откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и прислушалась к себе. В кабинете снова стало тихо. За окном гудел город. На мониторе отражался зелёный круг, который не вписывался ни в одну известную ей модель биологии, физики или здравого смысла.

А где-то там, в сердце Амазонии, в абсолютной, давящей, невыносимой тишине, лес продолжал расти. Быстро. Слишком быстро.

И он ждал.

Глава 2

Манаус встретил их удушающим рукопожатием.

Запах ударил ещё в трапе самолёта, когда стюардесса объявила снижение: жареная рыба с привкусом пальмового масла, выхлопы старых дизелей, прелая листва, которую река выносит к городу, и что-то сладковато-гнилостное — то ли фрукты, то ли сточные воды. Мария никогда не любила этот город. В отличие от разлинованной, стерильной Бразилиа, где всё подчинено чертежам Нимейера, Манаус был живым организмом — липким, шумным, потным. Он напоминал ей муравейник, вскрытый ударом сапога: каждый тащил свою ношу, суетился, кричал, и никто не смотрел вверх, на небо, которое здесь всегда казалось низким и серым от влаги.

Фостер нашёл её в толпе у выхода — высокий, загорелый до бронзовой корки, в белой рубашке, уже успевшей впитать влагу и прилипнуть к лопаткам. Он обнял её одной рукой, одновременно тыкая в телефон пальцем другой, и сразу заговорил о сроках, графиках, европейских грантах. Его голос был бодрым, деловым — он будто пытался перекрыть шум терминала, хотя тот уже стихал.

Мария слушала вполуха, разглядывая потолок. Под слоем въевшейся сажи, на бетонных балках, гнездились ласточки. Они кружили в нестройном хороводе, и их писк терялся в гуле голосов, но Мария почему-то заметила: птицы сбивались в плотную стаю, ни одна не отлетала в сторону выходов. Они держались центра зала, будто боялись краёв.

— Лодка завтра вечером, — говорил Фостер, ведя её к багажной ленте. — Пилот — старик, его зовут Ари. Он знает каждый поворот, каждый затон. Выходим послезавтра, как рассветёт.

Мария резко остановилась, и сзади кто-то чертыхнулся, объезжая её с тележкой, гружённой ящиками.

— Послезавтра? — она развернулась к Фостеру, и в голосе её прорезалась сталь. — Фостер, я тебе писала. Протокол биозащиты — три дня. Проверка ретранслятора — ещё два. Калибровка сенсоров в полевых условиях — минимум пять. Мне нужно десять дней, и я не шучу.

Фостер на мгновение убрал телефон в карман. Его улыбка стала чуть жестче — та самая улыбка, которую Мария знала по совместным проектам десять лет назад. Она означала: «Я уже всё решил, не трать силы».

— Европейцы дали деньги не под протокол. Они дали деньги под результат. Спутниковое окно — через тридцать один день, потом облачный сезон. Мы не успеем ни взять пробы, ни вернуться, если будем сидеть в Манаусе две недели. Мне нужен образец, а не отчёт о подготовке.

— Протокол — это то, что возвращает людей живыми, — Мария почувствовала, как голос её дрогнул, но она взяла себя в руки. — Ты читал ту записку? Ты видел, что случилось с группой девяносто восьмого?

Фостер хмыкнул, но в глазах мелькнула тень раздражения. Он наклонился к ней, понизив голос до доверительного полупшепота, который должен был означать «мы команда», но звучал как «не мешай мне делать карьеру»:

— Мария, мы берём новейшее оборудование. Спутниковый телефон с усиленным сигналом. Военный GPS с тремя независимыми каналами. Подавители помех от нефтяных вышек. Никакого старья. Техника шагнула вперёд на двадцать лет. Там, где они падали, мы пройдем.

— А если не пройдем? — она посмотрела ему прямо в глаза. — Если это не помехи?

— Это всегда помехи, Мария. Просто тогда у них были карты и компас. У нас — спутники.

Она хотела возразить, что спутники в той зоне показывали лишь зелёную пустоту, что компас в старом отчёте тоже сходил с ума, но Фостер уже подхватил чемодан и двинулся к выходу, крикнув через плечо:

— Завтра в девять у меня встреча с лодочником. Ты — собирай команду. Только без сказок, хорошо?

Мария осталась стоять у багажной ленты, ощущая, как по спине стекает первая капля пота. Ласточки над головой всё кружили, и она вдруг поняла, что с самого прилёта не слышала ни одной громкой птичьей трели — только писк, похожий на скрип несмазанной петли. Она выдохнула, провела ладонью по лицу и направилась к выходу, на ходу открывая список контактов.

Они сняли комнату в старой гостинице на северной окраине, где кондиционеры дребезжали как старые мотоциклы, но хотя бы не пахло плесенью. Мария превратила номер в оперативный штаб: стены завесили картами, скотчем прилепили распечатки спектральных снимков, на полу в геометрическом порядке выстроились ящики с сенсорами, пробирками, запасными аккумуляторами. Единственное окно выходило на реку, и Мария то и дело ловила себя на том, что смотрит на тёмную воду, хотя дел было невпроворот.

Она перебирала анкеты кандидатов. Фостер ходил из угла в угол, диктуя заметки в диктофон, и время от времени бросал взгляд на телефон, словно ждал звонка, который всё не поступал. Он был напряжён — Мария видела это по тому, как он покусывал губу, когда думал, что никто не смотрит.

— Ты уверен, что мы готовы? — спросила она, не оборачиваясь. — По-настоящему готовы?

— Никто никогда по-настоящему не готов, — ответил Фостер. — Мы учёные, а не солдаты. Мы импровизируем.

Первым из кандидатов пришёл Эдуарду. Он появился в дверях в полдень — сухой, жилистый метис лет шестидесяти, с лицом, исполосованным морщинами, как высохшее русло Амазонки в сезон засухи. Он носил старую кепку с логотипом нефтяной компании, которая обанкротилась ещё в девяностых, и от него пахло рекой — рыбой, тиной и машинным маслом.

Фостер сразу перешёл к делу: тройная оплата, страховка, полный бак топлива. Эдуарду слушал, чуть прищурившись, и кивал. Но когда Фостер развернул карту и ткнул пальцем в красный круг — тот самый квадрат, который Мария обвела маркером, — лодочник замер.

Наступила долгая, тягучая тишина. Эдуарду снял кепку, провёл ладонью по редким волосам, потом снова надел. Он смотрел на карту так, будто на ней было изображено не место, а время — которое он хотел бы забыть.

— В том месте рыба не водится, — сказал он наконец. Голос его был низким, безжизненным. — Там нет сома, нет пирауку, нет даже мелкой плотвы. Птицы облетают это место стороной. Я не знаю, что там, сеньора, но никто из наших туда не суётся. Даже кабокло, которые живут в чаще, обходят его за три дня пути.

— Мы заплатим четверо, — вмешался Фостер, и в его голосе послышалась стальная нотка торга. — И мы не просим вас идти вглубь. Только довести до точки и ждать.

Эдуарду поднял глаза на Фостера. В его взгляде не было страха — только глубокая, вековая усталость, которую не купишь деньгами.

— Сеньор, я видел, что бывает с теми, кто туда ходит. Я не про то, что они не возвращаются. Я про то, что когда они возвращаются, они уже не те. Родные их не узнают. Глаза — пустые. Дома они сидят и смотрят в стену.

Он перекрестился — небрежно, будто нехотя, но Мария заметила. На груди у него висел маленький медальон, которого она раньше не видела.

— Довезу до точки. Буду ждать на воде, на якоре. Вглубь — ни шагу. Если вы не вернётесь через три дня, я уйду. Даже если вы живы. Такой уговор.

Мария кивнула, не поднимая глаз. Она и не рассчитывала на большее.

Софи прибежала через час — ворвалась в комнату, как порыв ветра, с рюкзаком, из которого торчали пробирки и какой-то странный прибор, похожий на гибрид тостера и микроскопа. Коротко стриженная, с острыми скулами и вечно взлохмаченными бровями, она изучала алкалоиды растений и на предложение поехать в зону с удвоенной биомассой ответила одной фразой по видеозвонку: «Я не боюсь тишины, я боюсь, что ничего не найду».

Теперь она сидела на полу, пересчитывая фильтры для проб, и бормотала про себя цифры спектрального анализа. Мария заметила, что Софи не смотрит на карту. Вообще. Каждый раз, когда её взгляд случайно падал на красный круг, она отворачивалась и начинала возиться с пробиркой, словно та вдруг потеряла герметичность.

— Ты видел этот снимок? — спросила Софи у Фостера, не поднимая головы. — Я выгрузила спектр хлорофилла. Там концентрация зашкаливает. Если это не артефакт, то растения там синтезируют в четыре раза быстрее нормы. Это похоже на генетический сбой.

— Или на удобрение, — пожал плечами Фостер. — Может, подземный источник фосфора.

— Нет, — отрезала Софи, впервые поднимая взгляд. — Я проверила. Фосфор, калий, азот — всё в пределах нормы. Там нет источника. Лес просто решил расти. Как раковая опухоль. Никакой причины, один эффект.

Мария поёжилась. Сравнение было слишком точным.

Носильщиков наняли через агентство. Жуан — плотный мужчина с тремя детьми и въевшейся в ладони чёрной грязью — пришёл первым, попросил аванс сразу, чтобы оставить семье. Он говорил мало, жевал табак и иногда сплёвывал в пластиковую бутылку. Его помощник Педро был молод — лет девятнадцати, — почти безмолвен, с огромными тёмными глазами, которые смотрели в одну точку. Когда Мария спросила его, бывал ли он в тех краях, он лишь мотнул головой и отошёл к стене.

А потом появился Ян.

Он вошёл без стука, в тот момент, когда все уже складывали снаряжение и готовились к ужину. Дверь приоткрылась, и он просто проскользнул внутрь — бесшумно, как тень. Невысокий, жилистый, лет сорока, с кожей, которая впитала столько солнца и ветра, что казалась выделанной, как старая замша. Он держал рюкзак с грубыми заплатками, потёртыми до блеска, и не улыбнулся, когда Фостер, поднимаясь с койки, представил его как «местного консультанта».

Мария нахмурилась. Она не просила консультантов. Она не упоминала никакого Яна в списке.

— Откуда ты? — спросила она.

Ян взглянул на неё спокойно — без вызова, но с той пугающей прямоотой, которая бывает у людей, давно привыкших к опасности. Его глаза были светло-серыми, почти выцветшими, и в них не было блеска. Только тишина.

— Я был там дважды, — сказал он. — Первый раз — пятнадцать лет назад, как член геологической партии. Второй — один, без разрешения. Мне платят, чтобы я рассказал вам, что вас ждёт.

Фостер открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Ян уже прошёл к карте на стене. Он долго смотрел на красный круг, не прикасаясь к нему, словно это был огонь или открытая рана. Его палец завис в сантиметре от бумаги, но так и не коснулся.

— Кто это нанёс? — спросил он.

— Я, — ответила Мария. — По спутниковым данным. Это центр аномалии.

Ян медленно повернулся к ней. В этот момент она заметила, что он не моргает. Или моргает так редко, что это казалось неестественным.

— У этого места нет названия, — сказал он ровно, без тени драматизма, просто констатация факта.

— Почему? — спросила Софи, отрываясь от своих пробирок. Она смотрела на Яна с любопытством — и с ноткой вызова.

— Рыбаки обходят его. Охотники. Сборщики каучука. На старых картах его закрашивали белым — «неисследованная территория». В легендах индейцев оно не фигурирует — у них нет слов для этого места. Те, кто заходил, — он помедлил, — не возвращались. А те, кто возвращался, не могли сказать, как оно называется. Они забывали. Или не хотели вспоминать.

В комнате повисла та тишина, которая бывает только перед грозой. Фостер кашлянул, поправил воротник рубашки и выдавил улыбку.

— Ян, мы учёные. У нас есть приборы. Спутники, лазерные дальномеры, пробы ДНК. Мы знаем, что делаем.

Ян посмотрел на Фостера — и впервые в его взгляде мелькнуло что-то похожее на жалость.

— Ваши приборы перестанут работать за двадцать километров до центра. GPS начнёт показывать координаты, которые не соответствуют реальности. Вы будете идти по компасу, а он будет медленно вращаться, как стрелка часов в замедленной съёмке. Рации заполнятся шумом — низким, пульсирующим. Вы подумаете, что это помехи. Это не помехи.

Он перевёл взгляд на Марию. Она почувствовала, как её ладони стали влажными.

— И вы услышите звук. Глухой, низкий, он будет идти от земли, но вы будете слышать его внутри головы. Не ищите источник, его нет. Он будет там, независимо от того, что вы делаете. И он будет расти. С каждым часом — громче.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Мария, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ты сам это слышал?

Ян молчал несколько секунд. Потом медленно расстегнул левый рукав рубашки и закатал его до локтя. На предплечье — от запястья до локтя — шла длинная, неровная полоса бледной кожи. Старый ожог, слишком ровный для огня. Слишком геометричный. Будто кто-то приложил к его руке раскалённый циркуль.

— Второй раз я слышал его три дня. Когда я вышел, я потерял сознание на границе зоны. Очнулся через сутки. Рука горела, хотя я не касался огня. — Он опустил рукав. — Я не знаю, что там. Никто не знает. Но если вы пойдёте — идите быстро, берите пробы и уходите. Не ночуйте в центре. Не спите на земле. И, — он посмотрел на Софи, — не берите с собой то, что не готовы оставить.

Софи побледнела и прикусила губу. Фостер открыл рот, чтобы возразить, но Ян уже отошёл от карты и снял рюкзак.

— Я проведу вас до точки, покажу, где можно встать лагерем. Помогу с образцами, если нужно. Потом я уйду. Это условие. — Он посмотрел на Марию, и в его взгляде мелькнуло что-то, что она не могла расшифровать. То ли предупреждение, то ли прощание. — Если вам нужен кто-то, кто знает тропы, — я здесь. Но радоваться моему приходу не надо.

Он вышел в коридор, бесшумно прикрыв дверь. В комнате повисла такая глубокая тишина, что слышно было, как капает вода из крана в туалете. Софи перестала перебирать пробирки. Она сидела неподвижно, глядя на дверь, и её пальцы сжимали фильтр так сильно, что тот погнулся.

Фостер потёр подбородок, потом махнул рукой, пытаясь сбросить напряжение:

— Местные, у них свои сказки. Ему, видимо, заплатили за страшилки, чтобы выбить больше денег. Главное — он согласился, и он знает путь.

Мария ничего не сказала. Она подошла к столу, открыла список снаряжения и дрожащей рукой добавила две строки: «Механический компас, запасной — два» и ниже, через строку, заглавными буквами: «БЕРУШИ, СТРОИТЕЛЬНЫЕ, 36 ДЕЦИБЕЛ — 10 ПАР».

Потом закрыла планшет и принялась помогать Софи упаковывать оборудование, стараясь не смотреть на карту. Но краем глаза она всё равно видела красный круг — и ей казалось, что он пульсирует в такт её сердцу.

Ночью она стояла у окна своего номера, глядя на тёмную гладь Риу-Негру. Вода была неподвижной, маслянистой, отражала редкие огни города и казалась жидкой смолой. Где-то гудела сирена, с причала доносились пьяные голоса, в гостинице за стеной включили телевизор — но все эти звуки казались Марии плоскими, нарисованными.

За ними — или под ними — ей мерещился другой звук. Тот самый, о котором говорил Ян. Низкий, пульсирующий, идущий откуда-то из глубины воды или из самой земли. Может, это просто стучало её сердце. Может, в ушах шумела усталость.

Она вспомнила его слова: «Те, кто заходил, не возвращались». И подумала: а что, если тот, кто возвращался — с пустыми глазами, сидящий у стены и смотрящий в никуда — уже был не совсем тем, кем уходил? Может, он оставлял там часть себя. Или приносил с собой что-то чужое.

Мария задернула шторы, легла на кровать, но глаза не закрывались до самого утра. Она смотрела в потолок, где под слоем побелки проступали трещины, похожие на карту реки. И слушала.

Слушала звуки Манауса, которые через два дня должны были смениться на абсолютную, безответную тишину.

И в этой тишине ей почудилось, что она слышит, как за стеной Ян тихо, почти беззвучно говорит по телефону. Она не разобрала слов. Но голос его был странным — слишком спокойным, слишком ровным, будто он говорил не с живым человеком.

Она перевернулась на бок, накрыла голову подушкой и приказала себе спать.

Но снилась ей не Амазония. Ей снился тот самый круг — ровный, вычерченный циркулем — который рос и рос на её ладони, впитывая кожу, превращая её в кору, а потом — в пустоту.

Она проснулась в холодном поту за час до рассвета. За окном всё ещё было темно, но река начала светлеть — мутным, свинцовым серебром. Где-то вдали прокричала птица, и крик её был резким, надрывным, будто она звала кого-то, кто не мог ответить.

Мария села на кровати, обхватила колени руками и просидела так до тех пор, пока в дверь не постучал Фостер, бодрый и свежий, с чашкой кофе в руке.

— Выходим через час. Эдуарду уже заводит мотор. Ян ждёт на причале.

Мария кивнула, не поднимая глаз. Она взяла протянутый кофе, сделала глоток и почувствовала, как горечь обжигает горло. Это было хорошо. Это было реально.

За окном река ждала. Тёмная, глубокая, готовая поглотить их всех.

Глава 3

Лодка отчалила затемно, когда Манаус ещё не остыл после ночи, а воздух над рекой висел плотной, тёплой простынёй. Эдуарду встал у мотора, прижав ладонь к рычагу, и не обернулся — он смотрел вперёд, в туман, где вода сливалась с небом в мутное свинцовое полотно. Мария устроилась на носу, поджав колени, и следила, как огни города тают в утренней дымке — сначала погасли яркие огни порта, потом редкие светлячки окраин, и наконец осталась только тьма, прорезанная серым рассветом.

Джунгли выдвигались навстречу, смыкаясь над рекой, будто крышка над коробкой. Первые часы пути Мария не могла отделаться от ощущения, что зелёные стены по обоим берегам постепенно сдвигаются, сужая русло, хотя карта показывала обратное. Она несколько раз сверялась с планшетом, но каждый раз экран казался ей чуть бледнее, чем надо, — будто сама электроника нехотя подчинялась этому месту.

Первый день по Риу-Негру походил на бесконечный перебор звуковых дорожек. Обезьяны-ревуны надрывались где-то в глубине берега — их голоса перекачивались через воду глухими, утробными волнами, похожими на камни, падающие на жестяную крышу. Попугаи срывались с крон целыми стаями, и тогда над лесом проносился цветной смерч, сопровождаемый треском тысяч крыльев — такой громкий, что Мария на мгновение зажимала уши. Когда лодка проходила мимо очередного поворота, Софи опускала руку за борт и тут же вынимала — на ладони оставалась тёплая, железистая вода, пахнувшая размокшей корой, илом и чем-то сладковато-гнилостным, как перезревший плод какао.

Фостер не умолкал ни на минуту. Он снимал на камеру каждый всплеск, каждое облако, каждое движение руля, комментируя происходящее с энтузиазмом ведущего туристического шоу. «День первый, десять часов утра, — говорил он в объектив, — мы входим в зону с пониженной антропогенной нагрузкой. Обратите внимание на плотность подлеска...» Мария не слушала. Она смотрела на воду, где время от времени вспарывали гладь тени крупных рыб, и чувствовала, как с каждым часом её внутреннее напряжение растёт, как струна, которую натягивают слишком сильно.

Ян сидел на корме рядом с Эдуарду, неподвижный, как изваяние. Он не смотрел по сторонам, не реагировал на крики птиц, не пил воду. Он просто сидел, опустив руки на колени, и его лицо было пустым, как у человека, который уже знает всё, что должно случиться, и не пытается этому помешать. Мария несколько раз ловила на себе его взгляд — он смотрел на неё так, будто видел что-то позади неё, что-то, чего она сама ещё не заметила.

К вечеру они причалили к небольшой песчаной косе — первой за весь день. Эдуарду заглушил мотор, и внезапная тишина оглушила их, как удар. Гул двигателя исчез, но его место заполнил другой шум — живой, многослойный, отовсюду: стрекот цикад, кваканье древесных лягушек, далёкий крик ночной птицы, плеск рыбы у самого берега. Мария выдохнула, почувствовал, как спадает напряжение. Здесь, на этом берегу, мир всё ещё был настоящим.

Они разбили лагерь: Фостер с Жуаном и Педро натянули тент, Мария разложила оборудование, Софи проверила аккумуляторы, а Эдуарду, не говоря ни слова, развёл небольшой костёр из сухих веток. Ян отошёл в сторону и стоял на коленях у воды, глядя на своё отражение в чёрной глади, но ничего не делал. Мария хотела подойти к нему, спросить, что он ищет, но передумала.

Ужинали молча. Жареная рыба, которую Эдуарду поймал на закате, была жирной и мягкой, с дымком, и на некоторое время все забыли о тревоге. Но когда солнце ушло окончательно и лес вокруг погрузился во тьму, тишина стала иной — гуще, вязче. Цикады всё ещё стрекотали, но в их стрекоте появился какой-то надрыв, будто они сами не верили в собственный

звук. Софи залезла в гамак и уснула почти сразу. Фостер долго возился с камерой, пересматривая записи, потом тоже лёг.

Мария не могла заснуть. Она сидела у холодного кострища, глядя на тёмную воду, и прислушивалась. Сквозь гул цикад она улавливала что-то ещё — низкий, ровный гул, который не исходил ни откуда, но проникал в череп прямо сквозь кости, минуя уши. Она помотала головой, постучала пальцем по виску — гул не исчез. Тогда она легла в гамак, накрыла голову курткой и приказала себе не обращать внимания. Через час она уснула — тревожным, поверхностным сном, полным расплывчатых образов.

Второй день начался с того же плотного многоголосья, но к полудню оно начало редеть, как волосы на старой голове. Сначала пропали попугаи — их крики умолкли так внезапно, будто кто-то выключил звук. Потом стихли обезьяны. Ещё через час замолкли лягушки. Цикады стрекотали, но их стрекот становился реже, тише, и к вечеру они звучали, как последние секунды старых часов — надрывно, с короткими паузами, словно им самим не нравился собственный звук.

Вода тоже изменилась. Вчерашняя рыжая муть осела, и сквозь толщу начала проступать глубокая чернота — не от ила, а от того, что дно уходило вниз, в бездну, где уже ничего не шевелилось. Мария опустила руку за борт — вода была холодной, неестественно холодной для этого времени года, и в ней не чувствовалось движения, которое обычно создают рыбы, водоросли, течение. Она была мёртвой.

— Температура упала на пять градусов за последние два часа, — сказала Софи, глядя на показания термометра, который она держала над водой. — И электропроводность почти нулевая. Это не река, это дистиллированная вода с примесью чего-то органического, но я не могу идентифицировать.

— Может, геотермальный источник? — предположил Фостер, но в голосе его не было уверенности.

— Нет, — ответила Софи. — Я проверила на сероводород, на метан, на соли — ничего. Это как будто вода... вымытая.

Ян, сидевший на корме, открыл глаза и сказал тихо, но отчётливо:

— Мы пересекли границу час назад. Там, за тем поворотом, где деревья начали отражаться в воде зеркально.

Все обернулись. Мария вгляделась в берег — листья на деревьях казались неестественно крупными, тёмными, маслянистыми, и их поверхность не отражала свет, а впитывала его, как чёрный бархат. Подлеска почти не было — между стволами зияли пустые коридоры, чистые, будто кто-то ежедневно выметал их. Ни сухой ветки, ни опавшего листа, ни муравья на коре.

Фостер включил GPS. Экран замигал, цифры поплыли, потом выдали координаты, которые не соответствовали карте. Он перезагрузил прибор — без толку. Мария достала свой планшет, открыла файл со спутниковым снимком — изображение распалось на шум, и на месте зелёного пятна осталась рябь, похожая на статическое электричество.

— Я говорил, — сказал Ян, не повышая голоса. — Приборы здесь не работают. Всё, что использует электричество, будет врать или молчать.

Эдуарду, который до этого не проронил ни слова, вдруг резко повернул руль и направил лодку к берегу. Он причалил к песчаной косе — такой же ровной и безжизненной, как вчерашняя, — и заглушил мотор.

— Дальше я не пойду, — сказал он. — Это граница. Отсюда вы идёте пешком или плывёте на вёслах. Я вас тут не брошу, но мотор включать не буду. Он здесь только привлекает внимание.

— Чьё внимание? — спросила Софи.

Эдуарду не ответил. Он снял кепку, перекрестился и отошёл к корме, уставившись в воду.

Мария вышла на берег. Под ногами хрустнул песок — сухой, рыхлый, и она заметила, что он почти белый, как мел, хотя речной песок в Амазонии всегда серый или коричневый. Она наклонилась, взяла щепотку, растёрла между пальцами — песок был холодным и маслянистым, как зола после долгого горения.

Софи подошла с зондом, опустила его в воду у берега — экран погас. Она выругалась, постучала по прибору, но он не подавал признаков жизни. Тогда она зачерпнула воду ладонью, поднесла к лицу, понюхала, потом осторожно лизнула кончиком языка и скривилась.

— Полный ноль. Никакой минерализации, никаких микроорганизмов. Это не вода, это растворитель. Химически чистая, но... мёртвая.

Мария подняла голову и впервые по-настоящему оглянулась вокруг. Лес стоял стеной — деревья с сомкнутыми кронами, сплетённые корнями у основания, образовывали сплошную живую стену, непроницаемую для взгляда. Но между стволами, на уровне человеческого роста, зияли проходы — узкие, тёмные, похожие на входы в пещеры. Они не казались естественными. Слишком правильными.

— Там, — сказал Ян, указывая на один из таких проходов, — через двести метров начнется каменная кладка. Мы разобьём лагерь на террасе перед ней. И будем работать там.

— А что дальше? — спросил Фостер.

— Дальше — лес, который не кончается. И в нём нет выхода — только входы, — Ян произнёс это так же ровно, как всё остальное, но в его голосе появилась сталь. — Мы не будем заходить дальше. Мы возьмём пробы, сделаем замеры и уйдём.

Мария хотела спросить, что он имеет в виду, но Софи уже стояла рядом с ней и сжимала в руке пустую пробирку.

— Я готова, — сказала она тихо. — Пойдём.

Они шли по песку, затем по глинистой тропе, которая вилась между деревьями, как сухое русло. Воздух стал сухим — настолько сухим, что у Марии пересохло в горле через пять минут, хотя влажность на термометре показывала девяносто процентов. Листья на деревьях шевелились, но Мария не чувствовала ветра. Она смотрела на них — они дрожали и колебались, но воздух вокруг оставался неподвижным. Листья двигались сами по себе, словно жили собственной жизнью.

Через двести метров тропа расширилась, и они вышли на открытую террасу, возвышавшуюся над рекой метра на три. И там, перед ними, лежала каменная кладка.

Мария замерла.

Это были остатки стены — правильные прямоугольные блоки, сложенные без раствора, из тёмно-серого камня, который не встречался в этом регионе. Они были покрыты мхом — не зелёным, а каким-то серым, войлочным, толщиной в палец, и он рос так плотно, что скрывал швы между блоками. Между камнями пробивались корни деревьев — но они не вились по поверхности, а торчали прямо, как пальцы мёртвой руки, натянутые и окостеневшие.

— Спутники не показывали ничего подобного, — прошептала Мария. — Я просматривала снимки за десять лет. Здесь не было строений.

— Спутники не видят того, что прячется под пологом, — сказал Ян, стоя позади неё. — Но это было здесь всегда. Просто деревья сомкнулись над ним, когда пришло время. Они защищают его.

— От кого? — спросила Софи.

Ян не ответил. Он смотрел на стену, и в его глазах мелькнуло что-то, чего Мария раньше не видела — не страх, а смирение.

Они подошли ближе. Стена была высотой около двух метров, и в центре её зиял проём — не дверь, а разрыв, словно кладка разошлась, уступив место чему-то, что было там, за ней. Через проём виднелась тьма — такая плотная, что даже солнечный свет, пробивающийся сквозь кроны, не проникал в неё дальше чем на метр.

Мария подошла к стене и провела пальцами по поверхности. Мох был сухим и жёстким, как шерсть; под ним камень был гладким, почти отполированным. Она нащупала углубления — линии, прорезанные в камне, слишком ровные, чтобы быть естественными трещинами.

— Здесь есть знаки, — сказала она.

Она отодрала кусок мха, и под ним открылся рисунок — резьба, выбитая в твёрдом камне. Линии вились, переплетались, создавали узор, который был слишком сложным для случайного наскального рисунка. В центре композиции она увидела круг — идеально ровный, как циркулем вычерченный. Вокруг круга шли линии, которые Мария не могла идентифицировать: они не были ни буквами, ни пиктограммами, ни геометрическими фигурами. Они были чем-то третьим — знаками, которые казались знакомыми, но при этом не читались.

— Это не письменность, — сказал Фостер, подходя с камерой. Он включил её, но экран остался чёрным. — Чёрт. Опять.

— Это не сообщение, — сказал Ян, стоя у неё за спиной. — Это предостережение.

Мария обернулась к нему:

— Ты знаешь, что здесь написано?

Ян медленно покачал головой:

— Я не знаю. Я только чувствую. Эти знаки говорят не тем, кто их видит. Они говорят тем, кто их слышит.

Мария приложила ладонь к камню. И в этот момент она услышала — низкий, пульсирующий звук, который шёл не из леса, не с реки, не из камня. Он шёл изнутри, из её головы, из самого центра её сознания. Звук заполнил её целиком, и на мгновение она забыла, где находится, забыла своё имя, забыла, зачем пришла. Она видела только круг — идеальный, бесконечный круг, вращающийся в пустоте.

Потом Софи коснулась её локтя:

— Мария? Ты в порядке?

Она моргнула. Звук исчез. Она стояла на террасе, перед стеной, и её рука всё ещё касалась камня. Пальцы дрожали.

— Да, — сказала она, отнимая руку. — Да, всё хорошо.

Но она знала, что это неправда. Она стояла на пороге чего-то, что не было ни природой, ни архитектурой, ни цивилизацией. Это было третье — неведомое, безымянное, и оно уже знало её имя. Оно произнесло его в том звуке, который она услышала.

Она обернулась к команде. Фостер стоял с камерой, всё ещё пытаясь её включить, и вид у него был растерянный. Софи держала пробирки, но её пальцы сжимали их так сильно, что побелели костяшки. Жуан и Педро стояли позади, опустив ящики на землю, и оба смотрели в одну точку — на тёмный проём в стене, за которым чернела глубина. Яна не было видно — он отошёл к краю террасы, стоял, повернувшись к реке, и что-то тихо бормотал.

Мария подошла к нему.

— Ян, ты говорил, что твой брат был здесь. Что он сидел на берегу, приросший корнями. Где именно это случилось?

Ян не обернулся. Молчал долго, так долго, что Мария уже хотела повторить вопрос. Потом он указал рукой вниз, к подножию террасы, где песок переходил в глину, а глина — в чёрную, неподвижную воду.

— Там. Прямо здесь. Он сидел на этом самом месте. Когда я нашёл его, корни прошили его ноги и руки, вставая в суставы. Они были живыми — они двигались, пульсировали, как вены. Я вытащил его, обрезал корни ножом. Он закричал без звука — я видел, как он кричит, но не было ни единого звука. И когда я нёс его к лодке, он был лёгким, как сухой тростник. Всё, что было живым в нём, осталось там, в этом лесу.

Мария смотрела на воду, на тёмную гладь, которая не отражала ни облаков, ни её собственного лица. Только чёрная глубина, бездонная.

— Почему ты не рассказал нам раньше? — спросила она.

— Потому что вы бы не поехали. А я хотел, чтобы вы поехали. Кто-то должен был это увидеть. Кто-то должен был засвидетельствовать.

— Засвидетельствовать что?

Ян повернулся к ней. В его серых глазах, наконец, появилась эмоция — глубокая, старая боль, которую он носил в себе пятнадцать лет.

— Что это место живое. Что оно не просто растёт — оно думает. И оно хочет, чтобы мы вошли внутрь. Всегда хотело.

Мария отшатнулась на шаг, но взяла себя в руки. Она посмотрела на стену, на тёмный проём, на знаки, которые она не могла прочитать.

— Мы не пойдём туда, — сказала она твёрдо. — Мы возьмём пробы, замерим почву, растительность. Мы останемся здесь, на террасе, и не зайдём за стену.

Ян посмотрел на неё с той же жалостью, что и раньше:

— Вы уже вошли, Мария. В тот момент, когда вы слышали звук. Теперь это место внутри вас. Вопрос только в том, как глубоко вы позволите ему проникнуть.

Он развернулся и пошёл к лодке, доставать оборудование. А Мария осталась стоять на краю террасы, глядя на тёмный проём, из которого веяло холодом — хотя солнце стояло в зените, и воздух был душным.

Она снова слышала тот звук — тихий, пульсирующий. Но теперь она знала, что это не галлюцинация. Это было приглашение.

Она достала из кармана запасной механический компас — тот самый, который она купила в Манаусе. Стрелка дрожала, металась, но потом успокоилась и указала прямо на проём в стене. Не на север, не на юг. На проём.

Мария убрала компас и отошла к команде, которая уже раскладывала оборудование на песке. Она взяла пробоотборник, надела перчатки и шагнула к стене, чтобы взять образцы мха.

Но краем глаза она всё время видела тьму за проёмом. И ей казалось, что тьма шевелится, дышит — и ждёт.

—

К вечеру они закончили отбор проб. Софи, несмотря на сбои в приборах, умудрилась собрать листья, кусочки коры и мох, запечатать их в стерильные контейнеры. Фостер нарисовал схему расположения стен и зарисовал знаки в блокнот, хотя его дрожащая рука почти не слушалась. Жуан и Педро установили палатки на террасе, подальше от проёма, и развели костёр, который горел как-то вяло, будто воздух не хотел поддерживать пламя.

Ночь опустилась быстро, без сумерек — солнечный свет просто погас за кронами, и наступила тьма, густая, как масло. Мария сидела у костра, глядя, как тени от огня пляшут на каменной кладке, и прислушивалась к звукам. Но звуков не было. Ни цикад, ни лягушек, ни ночных птиц. Только низкое, ровное гудение, которое теперь стало таким привычным, что она перестала его замечать.

Софи под села к ней.

— Я посмотрела пробы под лупой, — сказала она тихо. — В мохе нет ни одной клетки водоросли. Он стерилен. Этот мох не живёт, он просто... существует. Как сухая губка.

— А листья?

— Те же. Хлорофилл есть, но он не активен. Он там, но он мёртвый. Эти растения не фотосинтезируют, они просто стоят. Как восковые фигуры.

Мария сжала руки.

— Это не лес, — прошептала она. — Это проекция. Кто-то или что-то создало его, но не дало ему жизни.

Они замолчали. Пламя костра плясало, и тени на стене двигались — но Мария заметила, что тени не совпадают с языками огня. Они двигались со своей собственной скоростью, медленнее, будто что-то с другой стороны стены отбрасывало их сюда.

Она встала, подошла к стене, к проёму. Тьма внутри была абсолютной. Она не была пустой — она была заполненной. Заполненной тем, что ждало.

— Мария, — услышала она голос Яна позади. — Не смотри слишком долго. Оно запоминает тебя.

Она отступила, но перед тем, как отвернуться, ей показалось, что в глубине тьмы мелькнул слабый, зелёный свет. Мерцающий, неритмичный, похожий на биение сердца.

Она вернулась к костру и заставила себя есть, пить, говорить — делать вид, что всё нормально. Но внутри неё разрасталась уверенность: завтра они войдут туда. Все они. Потому что это место не отпускает тех, кто его увидел.

И когда она наконец легла в гамак, закрыла глаза и провалилась в тревожный сон, ей снилось одно и то же: ровный круг на её ладони, и в центре круга — зелёный свет, пульсирующий в такт её сердцу.

А где-то в глубине леса, за стеной, в абсолютной тишине, что-то ждало. Ждало давно. И теперь оно знало их имена.

Глава 4

Утро третьего дня в зоне аномалии не принесло облегчения. Солнце, которое Мария привыкла ощущать кожей даже сквозь кроны, здесь не грело — оно висело над головой бледным, водянистым диском, и его свет падал на лес, но не проникал внутрь, оставляя землю в вечном сумраке. Мария проснулась от холода — непривычного, липкого, который пробирался сквозь спальник и оседал на коже, как плёнка.

Она выбралась из палатки, и первое, что увидела, — Педро. Он лежал на импровизированных носилках, укрытый куртками, и его лицо уже начало меняться: кожа приобрела сероватый оттенок, на скулах проступили тёмные линии — не вены, а что-то иное, сетчатое, похожее на прожилки листа. Софи сидела рядом, держа в руках пробирку с образцом корня, который она отрезала у него прошлой ночью.

— Я проверила ткань под микроскопом, — сказала она, не поднимая головы. — Это не растение, Мария. У него нет клеточной стенки. Нет хлоропластов. Это органика, но без структуры. Оно ведёт себя как паразит, но не имеет генетического кода. Оно... подражает.

— Подражает чему?

— Жизни, — Софи подняла на неё глаза. — Оно имитирует биологию, но не является ею. Как будто кто-то нарисовал растение, но забыл добавить ДНК.

Мария присела на корточки рядом с Педро. Парень был без сознания, но его грудная клетка поднималась и опускалась — редко, с длинными паузами. Сквозь ткань куртки она заметила, как под ней шевелится что-то тёмное и тонкое — корни вращались глубже, прошивали мышцы, добирались до позвоночника. Она осторожно приподняла край ткани и увидела на его плече то же самое, что на лице: сеть чёрных линий, уходящих под кожу. Но на этот раз они пульсировали — медленно, ритмично, как второе сердце.

— Он ещё жив, — прошептала Мария. — Мы не можем его бросить.

Фостер подошёл сзади, потирая затекшую шею:

— Мария, мы не можем нести его через лес. Он тяжелеет с каждым часом — я проверил, утром он весил на пять килограммов больше, чем вчера. Эта дрянь внутри него растёт.

— Мы не оставим человека умирать в одиночестве, — отрезала она, и в голосе её прозвучала сталь, которая не терпела возражений.

Ян стоял у края поляны, спиной к костру, и смотрел в лес. Он не обернулся, но сказал:

— Если мы возьмём его с собой, он умрёт быстрее. Корни тянутся к теплу. Чем ближе к центру, тем выше температура грунта, тем активнее они будут расти. Через день он будет приращён к земле, даже если мы понесём его на руках.

Жуан, до этого сидевший у костра с опущенной головой, вдруг вскочил:

— Вы не смеете! Он мой брат! Я понесу его сам, хоть всю дорогу. — Голос его дрожал, но в глазах горело отчаяние. — Я не оставлю его здесь, с этими... с этим лесом!

Мария посмотрела на Яна. Тот пожал плечами:

— Тогда мы потеряем время и силы. И, возможно, ещё кого-то.

— Мы идём вместе, — сказала Мария. — Софи, сделай ему инъекцию антибиотика широкого спектра. Это не поможет, но хотя бы замедлит инфекцию. Жуан, ты несёшь носилки с Педро, я иду с тобой. Фостер — берёшь снаряжение и идёшь в арьергарде. Ян — ведёшь нас к центру, но по самому короткому пути.

Ян медленно повернулся к ней. В его глазах не было удивления — только усталое понимание.

— Как скажешь. Но помни: лес уже знает, что мы здесь. И он будет отвечать на каждый наш шаг.

Они выступили через час, когда солнце поднялось выше, но свет всё равно не проникал сквозь кроны. Мария шла сразу за Яном, стараясь ступать в его следы, чтобы не провалиться в рыхлую, мшистую почву, которая под ногами пружинила, как губка. Жуан нёс носилки с Педро, и с каждым шагом парень на них тихо постанывал — не от боли, а от того, что корни внутри него сжимались и растягивались в такт движению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.